

Сергей Глезеров

17 июля 2020

«Шалаш» как гений места

Ленинский шалаш возвращается на свое прежнее место. В свое время по соображениям безопасности (в 1990-х годах не раз случались поджоги) его перенесли ближе к музею, на площадку перед памятником, да еще и обнесли металлическим забором. Теперь предполагается восстановить историческую справедливость и вернуть его к «зеленому кабинету» Ильича, где он стоял прежде. Ограду вообще планируют убрать: наша собеседница, руководитель комплекса, включающего в себя ныне бывшие ленинские музеи «Шалаш» и «Сарай», надеется, что сегодня вандализма уже не будет.

– Что-то изменилось в сознании людей?

– На мой взгляд, прошел период негатива и отрицания, связанный с именем Ленина. Возникло понимание, что, во-первых, в нашей истории есть куда более спорные фигуры, во-вторых, мы до сих пор в полной мере не осознали его личность. Он не «приписан» к однозначным злодеям или благодетелям. Мыслящие люди говорят о нем как об интеллектуале, сильном управленце, отчасти указывают на случай: то, что он оказался в нужное время в нужном месте.

Нет сегодня и какой-то четкой, принятой на государственном уровне, идеологической оценки личности Ленина. Может быть, это и неплохо, поскольку дает нам свободу действий. На своих экскурсиях мы рассказываем о факте пребывания Ленина и о тех конкретных последствиях, к которым оно привело. Возможно, подобная подача информации разочаровывает как противников Ленина, так и его пламенных сторонников...

Но это отнюдь не означает, что мы остаемся в стороне от вопросов осмысления советского наследия и об разе Ленина. Проводим ежегодную конференцию «Ленин. История. Память. Современность». Организовываем «круглые столы» и выставочные проекты. Сейчас готовим к открытию выставку «Петроград 1917. Пульс революции» в музее «Шалаш», созданную специалистами более двух десятков музеев и архивов Петербурга и Москвы. Три года назад она была представлена в выставочном зале «Манеж», а потом гостила в Перми и Нижнем Новгороде.

– Удастся ли сегодня находить новые страницы в такой, казалось бы, совершенно досконально изученной теме, как «Ленин в Разливе»?

– Еще бы! На самом деле в советское время она была настолько выхолощена и по большому счету мифологизирована, что теперь нам приходится едва ли не заново ее осваивать. В первую очередь мы нашли максимум подтверждений, что и сарай рабочего

Сестрорецкого оружейного завода Николая Емельянова в поселке Разлив, и шалаш стали укрытием не только для Ленина, но и для его ближайшего соратника по большевистской партии Григория Зиновьева. Мы стараемся разыскать как можно больше сведений о том, как именно два лидера большевистской партии скрывались здесь от Временного правительства.

Понятно, после того как Зиновьева расстреляли как «врага народа», все связанное с ним было вычеркнуто из истории. Поэтому и у нас практически не было документов, подтверждавших нахождение Зиновьева в Разливе. Сегодня сведения собираем по крупицам.

К примеру, два года тому назад, готовя выставку, посвященную

90-летию музея «Шалаш», наши сотрудники обнаружили в архиве Музея городской скульптуры фотографию одного из первых проектов памятника «Шалаш» – с барельефом, выполненным скульптором Виктором Синайским. Там видно, что на нем были изображены вместе Ленин и Зиновьев.

А наш научный сотрудник Вячеслав Самоходкин, защитивший диссертацию по Зиновьеву, изучая публицистику первого десятилетия советской власти, обнаружил рисунок Марка Шафрана на обложке журнала «Ленинград» 1924 года – единственное сохранившееся изображение Ленина и Зиновьева в Разливе вместе.

Но и это еще не все. Мы целенаправленно ищем в архивах материалы, связанные с шалашом. И тот же Самоходкин нашел в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) негативы фотографий, запечатлевших Зиновьева, в ту пору лидера Петрограда и важнейшую персону в государстве, в 1921 году у остатков того самого шалаша, в котором он прятался с Лениным летом 1917-го...

Что же касается соратников по партии, бывавших у Ленина в шалаше и сарае, то сравнение воспоминаний привело к весьма интересному наблюдению: чем позже они были написаны, тем больше в них выдумок. Мы точно установили, что Крупская сюда не приезжала, Сталин тоже. А вот жена Зиновьева здесь бывала: она жила неподалеку, у родственников на даче в Тарховке.

Из известных партийных деятелей сюда приезжал только Серго Орджоникидзе. Мы нашли воспоминания Николая Емельянова, где сбоку рукой Григория Зиновьева сделаны пометки: «Это неверно. Было только 1 – 2 чел.: Серго, Лещ. (Лещенко), Шотм. (Шотман), Рахья».

– Получается, в перспективе – мемориальный музей не только «ленинский», но и «зиновьевский»?

– Такой точно не получится, поскольку у нас практически нет подлинных вещей, связанных с 1917 годом. Все оригинальные предметы, так или иначе имевшие отношение к

Ильичу, в 1920-е и 1930-е годы были заменены копиями и отправлены в Центральный музей Ленина в Москве. Мы сами совсем недавно окончательно убедились, что чайник, самовар, топор, стулья в нашей экспозиции – вовсе не те, которыми пользовался Ленин в 1917 году. Подлинные предметы были представлены на выставке «Миф о великом вожде», состоявшейся несколько лет назад в Государственном историческом музее в Москве.

А вот лодка у нас подлинная! Та самая. Мы подтвердили это опять-таки совсем недавно – по фотографиям из того же РГАСПИ. Дело в том, что в начале XX века все жители в поселке Разлив имели не по одной лодке. У рабочего Сестрорецкого оружейного завода Николая Емельянова, скрывавшего Ленина, была большая семья, поэтому она владела несколькими лодками. В московский музей забрали только одну...

Парадоксально: десять лет назад, когда я пришла сюда работать, оказалось, что в музее практически нет собственных фондов. Причина проста: в советское время музеи «Шалаш» и «Сарай» были филиалами Музея Ленина в Мраморном дворце. Они служили главным образом идеологическими объектами, но здесь не велось ни музейной, ни научной работы.

– Как происходила их трансформация в постсоветское время?

– Очень непросто. В начале 1990-х годов при ликвидации Центрального музея Ленина остро стоял вопрос о самом существовании его бывших филиалов. «Сарай» и «Шалаш» перешли в ведение администрации района (тогда Сестрорецкого, теперь Курортного). Из-за общего кризиса в стране «Шалаш» какое-то время вообще не действовал. Зарплаты сократились, сотрудники стали увольняться. Инфраструктура разрушалась.

Только в 2004 году при помощи меценатов удалось сделать в «Шалаше» новую экспозицию, отремонтировать крышу и заменить панорамное остекление. С 2005 года – с момента образования Историко-культурного музейного комплекса в Разливе – финансирование стало достаточным, чтобы произвести реставрацию объектов и ремонт всех инженерных систем.

Сегодня наш музей не только ленинский, революционный, но и краеведческий, посвященный богатейшей истории Курортного района. У нас очень опытные экскурсоводы (сложилась замечательная команда!): они сразу видят по пришедшим посетителям, что тех будет интересовать – история деревянной резьбы, украшающей старинные дома в поселке Разлив, судьбы известных дачников или революция...

Каждый год в выставочном зале «Арт-Курорт» в Сестрорецке мы представляем новый краеведческий проект. Нашим филиалом стал музей «Келломьяки – Комарово» в одноименном поселке. Его коллекция, которую в течение двадцати лет собирала краевед Ирина Снеговая, состоит из личных предметов известных деятелей культуры и науки, имевших отношение к поселку, – Василия Соловьева-Седого, Николая Черкасова, Дмитрия Лихачева, Даниила Гранина, Олега Каравайчука...

Кроме того, мы стали обладателями деревянной «беседки Шаляпина» в Курорте. Прежде этот объект культурного наследия регионального значения никому не принадлежал. В прошлом году КГИОП выдал нам на него охранный обязательство.

В этом году выделены деньги на создание проекта реставрации, к осуществлению которого должны приступить на будущий год. Конечно, велик соблазн укрыть это хрупкое сооружение стеклянным куполом или каким-то футляром, но сейчас главное – сохранить. Предполагается и благоустройство территории вокруг беседки. Будет замечательно, если возникнет новая традиция, и сюда станут приезжать после свадьбы новобрачные...

Почти наискосок от беседки, на улице Андреева, – старинная дача Важеевской, где предполагается создание краеведческой экспозиции по истории Сестрорецка и Курортного района. Сейчас идет работа по передаче здания на наш баланс. Произведена консервация дачи – вокруг нее возведен защитный «саркофаг». Увы, из-за пандемии планы по реставрации несколько отодвинулись.

Что же касается музея «Сарай», то происходит его плавное переформатирование. На музейной территории сохранился дом семьи Николая Емельянова – потомственных оружейников. Хотелось бы сделать в нем экспозицию о том, как жили простые рабочие оружейного завода. Тем более что нам переданы фонды прекратившего свое существование ведомственного музея Сестрорецкого инструментального завода.

– И все-таки вряд ли вы откажетесь от ленинской темы – иначе ваш историко-культурный комплекс превратится в краеведческий...

– Вы правы. Вообще музеи без собственного прошлого (иначе зачем они создавались?) существовать не могут, а тема революции 1917 года для нас неотъемлемая. Кроме того, именно благодаря Ленину музей «Шалаш» известен в мире. Конечно, его больше знали в советское время, но этот шлейф, или, если хотите, энергетический поток, продолжает доходить до нас. Мне до сих пор даже приходят письма с обращением «директору музея «Шалаш», хотя такой должности уже давно не существует...

На территории «Шалаша» мы начали создавать парк ленинских скульптур под открытым небом. Пока их немного. Две, бронзовые, были созданы скульптором Матвеем Харламовым: одна стояла у завода «Красный выборжец», другая недолгое время находилась на площади Стачек, возле Кировского универмага, а потом хранилась в фондах Музея городской скульптуры.

А изготовленный из алюминия бюст Ильича нам передали из БКЗ «Октябрьский». Будучи однажды в мастерской у замечательного скульптора Григория Ястребенецкого, с которым я познакомилась, защищая диплом по теме советской скульптуры, поинтересовалась, не знает ли он автора этого произведения. «Так это же я делал!» – воскликнул он... В нынешнем году, безусловно, ленинская тема превалирует, поскольку на него выпало 150-летие со дня рождения вождя. Мы планировали провести масштабный фестиваль «Здесь был Ленин» с

участием ленинских музеев России и даже музея Ленина в Тампере, но пришлось все отменить из-за пандемии...

Так что от Ленина мы не отходим и ни в коей мере не отказываемся. И многие наши посетители это ценят. Нередко отзывы в соцсетях звучат следующим образом: мол, поехал к Ленину в Разлив, хотел развлечься, а на самом деле призадумался. И далее: «Классный музей, всем рекомендую».

В советское время у нас бывали от 100 до 400 тысяч человек в год. Сейчас, конечно, меньше. Но тогда посещение «Сарая» и «Шалаша» являлось своего рода ритуалом и для многих служило частью обязательной программы знакомства с Ленинградом. Сегодня к нам едут люди, для которых посещение музеев – осознанный выбор. И нам это очень дорого.

Вообще может показаться парадоксальным, но именно «Шалаш» стал своего рода хранителем здешних мест.

– Что вы имеете в виду?

– Вы только задумайтесь: именно благодаря музею «Шалаш» и факту пребывания здесь Ленина берег озера Разлив сохранился практически нетронутым. Теперь это охранная зона памятника культуры федерального значения площадью больше 32 гектаров, да еще и 249 гектаров с режимом ограничения по застройке.

Вдоль озера Разлив к памятнику «Шалаш» ведут пешеходная и велосипедная дорожки. И они продолжают дальше, до заказника «Сестрорецкое болото»... Иными словами, память о Ленине очень позитивно сказалась на сохранении большой природной территории.

В «Шалаш» многие приезжают сегодня и для прогулки по нашему замечательному парку или на «Ночь музеев». Чуть более года назад мы начали проводить там детские занятия, которые очень нравятся жителям построенного неподалеку жилого комплекса. На них мы рассказываем, что такое музей, как создают памятники, знакомим с флорой и фауной Курортного района.

Есть, однако, проблема: сюда не ходит общественный транспорт, как в советское время, а это четыре с половиной километра от ближайшей железнодорожной станции. Правда, существует альтернатива: в хорошую погоду действует паромная переправа из Сестрорецка через озеро...

– Напоследок: как вы сами оказались в Разливе?

– Знаете, я тоже иногда сама удивляюсь: как получилось, что жизнь привела меня сюда? Поверьте, я никогда не готовила себя к подобной «миссии».

Родилась в Ленинграде, начала учиться здесь, но окончила школу в Брянске, на родине бабушки. Вернулась в Петербург, в девятнадцать лет пришла работать в Музей истории Петербурга, стала искусствоведом. Там же познакомилась с прежним директором музея в

Разливе, Еленой Гладковой. И когда она готовилась покинуть свой пост, то предложила мою кандидатуру. Я переживала, поскольку совершенно не планировала менять работу и уж тем более не строила планов быть руководителем столь интересного, но очень сложного объекта.

– А оказалось – судьба?

– Любимое дело – точно!